

Лекарство, которое прописал доктор Ван, подействовало на удивление хорошо. Рана Лю Гуюя ещё не зажила полностью, но ходить он уже мог без особых проблем, так что торговле в рыночный день она не мешала.

В тот день Цуй Ланьфан тоже поднялась очень рано и испекла для двух детей две лепёшки с зелёным луком, чтобы они взяли их с собой в дорогу. Она проводила их до ворот двора и всё ещё тревожно наставляла:

— В дороге будьте осторожны. Не переутомляйтесь. Если станет плохо, возвращайтесь пораньше. Эрлан, присмотри за Лю-гэром. Рана у него на ноге ещё не зажила до конца!

Вчера Цуй Ланьфан долго уговаривала Лю Гуюя, чтобы он сначала подлечился, а уже потом ехал торговать. Но Лю Гуюй не хотел терять время, в которое можно заработать, и только твердил, что ничего страшного, уже не болит. Переубедить его Цуй Ланьфан не смогла, так что ей оставалось лишь отпустить его.

Осеннее равноденствие давно миновало, рассветало всё позже. А они ещё и вышли особенно рано, так что небо было совсем тёмным. На серо-синем небосводе белел месяц, рядом с ним едва мерцали несколько редких звёзд, свет был тусклым и холодным.

Едва они дошли до ворот, как напротив послышался собачий лай - это залаяли большие псы соседей. У дороги стояла ослиная повозка, на ней сидели Линь Синь-нян с дочерью.

Услышав, что двое вышли из дома, Линь Синь-нян поспешно махнула им рукой, но тут же сообразила, что в такой темноте её, пожалуй, не видно, и сразу окликнула:

— Лю-гэр! Эрлан! Мы здесь, скорее сюда!

Услышав её голос, Лю Гуюй торопливо спрятал лепёшки за пазуху и вместе с Цинь Жунши покатил тележку к ним. Линь Синь-нян тоже спрыгнула с повозки, помогла привязать маленькую торговую тележку к задней доске, а потом сказала:

— Ну, забирайтесь скорее. Поехали!

Глаза у женщины были немного красными и припухшими, будто она плакала, но спина держалась прямо, и во всём её облике не было ни капли слабости.

Ло Цинчжу только вчера вернулся с Ци Шанем домой. Сердце у неё болело за ребёнка, но Цинчжу всё-таки уже завёл свою семью, и даже она, родная мать, не могла долго удерживать его у себя. Лю Гуюй заметил это, но ничего не спросил, боясь задеть больное место. Он потянул Цинь Жунши за собой, забрался на ослиную повозку, Линь Синь-нян тоже села, взмахнула кнутом и погнала повозку в сторону города.

В этот раз Лю Гуюй не стал нанимать повозку у семьи старосты. Во-первых, сейчас была страдная пора, и бык у старосты был занят едва ли не больше людей: даже за деньги его было не одолжить. Во-вторых, торговля на рынке была делом долгим, постоянным, и он не мог каждый раз просить помощи у семьи старосты.

Но скотина стоила слишком дорого. Лю Гуюй уже ходил в лавку, где торговали мулами и лошадьми, и спрашивал: самый дешёвый серо-пегий мул стоил пять лян серебра, а быки и ослы ещё дороже. Эти деньги Лю Гуюй не то чтобы совсем не мог достать, но при нынешнем положении семьи каждый медяк приходилось тратить с умом. Разом выложить пять лян серебра - даже у Лю Гуюя от одной мысли об этом сердце щемило.

Поэтому он договорился с Линь Синь-нян: каждый раз будет ездить вместе с ними торговать и возвращаться обратно, а платить будет по той же цене, что брал дядюшка Чжан за поездку. Линь Синь-нян говорила, что денег не надо: всё равно по пути, дело-то попутное. Но даже родные братья ведут счёт начисто; именно потому, что отношения хорошие, нельзя пользоваться чужой добротой даром. Лю Гуюй не согласился и твёрдо сказал, что платить будет обязательно.

Забравшись на повозку, Лю Гуюй сел рядом с Цинь Жунши, и они вдвоём принялись грызть лепёшки с зелёным луком. Пока они возились, лепёшки уже почти остыли, но вкус всё равно был замечательный. Снаружи корочка была золотистой и хрустящей, а внутри - мягкой, слоистой; аромат зелёного лука расходился во все стороны, а щепотка кунжута делала вкус ещё аппетитнее.

Лю Гуюй оторвал маленький кусочек для сидевшей рядом Ло Майэр, чем тут же рассмешил девочку.

— Ай, ешь сам, не надо ей давать! Мы с ней поели перед выходом! — сказала Линь Синь-нян, правя повозкой. — Впредь будем выезжать в это же время. Ах да...

К концу фразы её тон стал серьёзнее.

— На Восточном рынке есть склад для торговцев. Мелкие разносчики, что торгуют в городе, оставляют там свои вещи. Моя торговая тележка как раз там стоит. Пять вэней в день, а если платить за месяц, выходит выгоднее - всего сто вэней. Твою тележку, табуреточки и прочее тоже можно оставлять на этом складе. Тогда туда-сюда ездить будет гораздо легче.

Лю Гуюй, выслушав, понимает, кивнул. Но его положение отличалось от Линь Синь-нян: Она торговала каждый день, поэтому ей выгоднее было платить сразу за месяц. А Лю Гуюй выходил торговать только в ярмарочные дни, так что ему достаточно было платить посуточно.

Колёса повозки раз за разом катились по дороге, тяжело поскрипывая и постукивая. Под этот звук они всё ближе и ближе подъезжали к Фушюю. У городских ворот, как и полагалось, заплатили налог за вход. Осла с повозкой оставили на постоялом дворе для скота, а сами, каждый с поклажей в руках, вошли в посёлок и разложили товар на Восточном рынке.

Лю Гуюй уже какое-то время не торговал, но многие в городе его всё ещё узнавали. Восточный рынок находился рядом с овощным, и немало женщин, что с утра пораньше пришли за овощами, проходя мимо, заглядывали в эту сторону и с первого взгляда замечали Лю Гуюя.

Одна кругленькая женщина с корзиной для овощей на руке подошла ближе. Рядом с ней шла маленькая девочка в цветастой юбочке, с красными шнурками в волосах. Женщина радостно сказала:

— Ай-я, да это же тот гэр с бинфэнем! Эй-эй, в прошлый раз на храмовой ярмарке я пришла поздно, так и не купила. Потом ещё долго вспоминала!

От такого прозвища Лю Гуюй не знал, смеяться ему или плакать. Он улыбнулся и беспомощно сказал:

— Тётушка, моя фамилия Лю. Сейчас погода похолодала, мы больше не продаём бинфэнь!

Женщина с сожалением цокнула языком, наклонила голову и посмотрела на его прилавок:

— Не продаёшь уже? Ай, как жаль. А что теперь продаёшь?

На этот раз Лю Гуюй собирался продавать горячие сладости. Он как раз развёл огонь и, продолжая возиться, ответил:

— Продаю рисовые шарики с красной фасолью Хонду Юаньцзы и сладкий отвар Таншуй. Боцзайгао тоже по-прежнему есть, цена та же, что раньше.

Сказав это, он выставил тарелку с заранее скатанными шариками. Они были белые, красные и жёлтые: из таро, батата и тыквы. Красную фасоль он разварил до мягкой пасты; добавить к ней эти шарики - и получалась чашка душистого, тягучего и сладкого супа с юаньцзы.

Сладкий отвар был сварен из маниока, это было куда проще. Только в этих краях маниок никто не ел. Местные все говорили, что эта штука ядовитая, и никто не осмеливался её есть. Лишь Лю Гуюй в самом начале, когда делал боцзайгао, понадобился маниок, и он выкопал немного в горах. Сперва он даже не осмелился сказать Цуй Ланьфан, что это сделано из маниока, и признался только после того, как все уже попробовали. Даже так Цуй Ланьфан перепугалась.

Вернёмся к настоящему. Кругленькая женщина вытянула шею и несколько раз заглянула в чашку, с которой возился Лю Гуюй, а потом остановила взгляд на трёхцветных шариках и весело сказала:

— Тогда вот это. Мой ребёнок любит сладкие шарики, а эти на вид очень даже хороши. Две порции, и ещё четыре боцзайгао, по одному каждого вкуса.

Она даже не спросила, сколько стоит чашка юаньцзы, говорила очень решительно. Судя по тонкому хлопковому платью, толстому серебряному браслету на запястье, а также по цветной юбочке маленькой девочки рядом с ней и золотому замочку у той на шее, денег у неё явно хватало.

В первый же день торговли на ярмарке получить такую удачную первую продажу Лю Гуюй, разумеется, был рад. Он с улыбкой принялся хлопотать.

— Подождите немного, пожалуйста. Юаньцзы надо проварить в котле, совсем скоро будет готово.

Юйюань в сладком отваре были бы ещё вкуснее с молоком, но сейчас коровье молоко стоило слишком дорого. Уличная лавка держалась на маленькой прибыли и большом обороте, такие изысканные угощения здесь было не сделать. Поэтому Лю Гуюй варил юаньцзы вместе с красной фасолью и каменным сахаром. Фасоль разваривалась в сладкую пасту, получалось ароматно и сладко, вкус тоже был ничуть не плох.

Он быстро сварил две чашки, налил в бамбуковые чаши и сказал женщине:

— Красная фасоль с юаньцзы - семь взней за порцию, четыре боцзайгао - семь взней. Вы сегодня моя первая покупательница, возьму с вас двадцать взней.

Женщина с улыбкой достала деньги, затем дёрнула за собой маленькую дочь и громко сказала:

— Скорее держи.

Мать с дочерью ушли с покупками, а стоявший позади покупатель тут же спросил:

— А из чего ты эту сладкую воду варишь? Что-то я никак не пойму.

Сладкий отвар из маниока был приготовлен ещё с утра; в городе его оставалось только разогреть. Тем, кто любил холодное, можно было и сразу наливать. Сам маниок был беловатым, но сваренный из него отвар получался жёлтым, похожим на апельсин. К тому же здесь маниок никто не ел, поэтому покупателю было тем более не узнать.

Лю Гуюй не ответил, только улыбнулся и сказал:

— А вы попробуйте угадать. Или купите порцию и попробуйте? Если угадаете, из чего сделано, денег за эту чашку я с вас не возьму.

Не возьмёт денег?!

Покупатель сразу заинтересовался, широко раскрыл глаза, уставился на сладкий отвар и сказал:

— Сколько стоит? Давай мне чашку!

Цинь Жунши, сидевший рядом и ведущий счёт деньгам, наконец нашёл случай вставить слово:

— Пять вэней.

Покупатель поспешно сказал:

— Одну! Одну давай!

Лю Гуюй снова спросил:

— Хорошо. Вам горячую или холодную?

Покупатель был крепким, рослым мужчиной, с виду здоровым, холода не боялся, да ещё и был нетерпеливым. Ждать он не хотел и сразу сказал:

— Ай, холодную, холодную! Так и съем!

Лю Гуюй больше ничего не сказал, проворно налил чашку и передал ему.

Мужчина тут же сунул ложку в рот, попробовал, и глаза у него загорелись. Люди, стоявшие позади и смотревшие на это веселье, тут же загомонили:

— Ну как? Ну как?

— Вкусно?

— Понял, из чего сделано?

Мужчина проглотил кое-как и торопливо ответил:

— Сладкое, жёлтый сахар добавлен, да? На вкус мягкое, клейкое, неплохо, эй... Но я и правда не могу понять, из чего это. Кажется, я такого раньше не ел. Наверное, какой-то плод?

Он тоже был человеком прямым: раз уж действительно не смог угадать, сразу достал деньги. И

ещё сказал:

— Такой вкус моей жене должен понравиться! Хе, дай ещё одну чашку, только эту горячую! Отнесу жене попробовать!

Лю Гуюй кивнул и принялся разогревать сладкий отвар. Цинь Жунши тем временем сгрёб лежавшие на прилавке медяки в ладонь и сунул их в кошель. Очень скоро горячий сладкий отвар из маниока был передан покупателю, и Лю Гуюй проводил очередного гостя.

Те, кто стоял сзади и изначально покупать не собирался, а просто смотрел на веселье, с любопытством спросили:

— Хозяин! А если угадаем, что это, правда денег не возьмёшь?

— Правда! Конечно, правда! — ответил Лю Гуюй.

Едва он это сказал, как зеваки один за другим подняли руки и закричали:

— Мне одну чашку!

— И мне тоже одну!

Все разом окружили лоток. Одному Лю Гуюю было уже не управиться, и Цинь Жунши поспешно подошёл помогать наливать сладкий отвар из маниока. Этому - горячий, тому - холодный; каждому подавали так, как он просил.

Шесть-семь человек попробовали, но ни один не угадал, из чего это сделано. А уж отданные деньги обратно им было не вернуть. Впрочем, никто не сердился, наоборот, все смеялись и переговаривались:

— И правда, такого мы раньше не ели!

Проводив эту большую волну покупателей, Лю Гуюй наконец немного передохнул. Цинь Жунши всё ещё помнил о ране на его ноге, поэтому быстро вытащил из-под тележки маленький табурет и велел Лю Гуюю сесть отдохнуть. Лю Гуюй послушно сел, а потом начал загибать пальцы, подсчитывая выручку. Всего за это короткое время они уже заработали больше пятидесяти вэней.

Слева от него стоял лоток Линь Синь-нян. Она торговала уже больше десяти лет и имела целую группу постоянных покупателей, так что сейчас всё ещё была занята.

Справа же расположилась семья, продававшая доухуа (пудинг из тофу). Жители Фушуйчжэня любили острое, поэтому доухуа здесь тоже делали острым, и с лавкой сладостей Лю Гуюя оно не конкурировало. Чашка доухуа была такой нежной, что едва держала форму. К ней добавляли всевозможные приправы, посыпали зелёным луком и кинзой, бросали щепотку солёной рубленой горчицы и дроблёный арахис, поливали ярко-красным острым маслом, капали немного кунжутного масла и соевого соуса... Потом всё перемешивали, и аромат стоял такой, что словами не описать.

Доухуа продавала молодая супружеская пара. С виду оба были добродушными людьми, но Лю Гуюй ещё помнил того продавца таньюаней с храмовой ярмарки, поэтому ко всем окрестным торговцам относился настороженно.

Однако супруг из этой пары сам принёс им чашку доухуа и с улыбкой спросил:

— Вы ведь впервые торгуете на Восточном рынке? Лица у вас незнакомые.

Он был очень приветлив, и улыбка на его лице казалась совершенно искренней. Лю Гуюй, который изначально держался настороженно, невольно расслабился.

— Моя фамилия Ян, можешь звать меня Юй-гэр. Раз уж стоим рядом, если что понадобится, можете звать нас! Мой муж силён, много с чем помочь сможет!

Лю Гуюй замер. Он заметил, что живот супруга слегка округлился - очевидно, тот был беременен. Он давно знал, что гэры в этом мире могут рожать, но за всё время после своего появления здесь ни в деревне, ни в городе он ни разу не видел беременного гэра. Это было впервые. Внешне он почти ничем не отличался от мужчины, разве что черты лица были немного более изящными, но при этом мог выносить ребёнка.

Хотя Лю Гуюй уже был морально готов к такому, всё равно был глубоко потрясён. Но, как говорится, на улыбающегося человека руку не поднимешь. Видя, с какой теплотой Юй-гэр сам подошёл к ним, Лю Гуюй быстро пришёл в себя и тоже поспешно улыбнулся.

— Ай-я, большое спасибо! Этот доухуа уже по запаху кажется вкусным!

Юй-гэр улыбнулся и оглянулся на высокого мужчину, который сторожил их лоток.

— Да что там, это мой муж готовит. У него руки умелые!

Лю Гуюй проследил за его взглядом и как раз увидел того крепко сложенного мужчину за лотком. Лицо у него было самое обычное, зато фигура высокая и мощная. Широкие плечи, крепкая спина, а серый передник, повязанный на талии, на его теле выглядел почти жалким и слишком маленьким. На вид этот мужчина казался грубоватым и неуклюжим, но у доски работал внимательно и ловко: принимал гостей, накладывал доухуа, смешивал приправы - все

движения были слаженными и быстрыми. Сразу было видно, что к работе он привычен.

Лю Гуюй немного удивился. Он примерно огляделся: на Восточном рынке было немало лотков, где торговали муж с женой или супруги-гэры, но чаще всего работали именно жёны или супруги, а если мужчина хотя бы не путался под ногами - уже спасибо.

Посмотрев ещё пару раз, он отвёл взгляд и снова посмотрел на Юй-гэра. Тот был одет в осенний халат водянисто-зелёного цвета, по вороту шла белая отделка. Просто, изящно, но явно недёшево. Ведь окрашенная ткань стоила куда дороже некрашеной, не говоря уже о таком свежем, нежном оттенке. А вот его муж носил грубую одежду из гэбу и выглядел самым настоящим простым деревенским мужиком. Раз не жалеет денег на супруга, значит, вряд ли он плохой человек.

Лю Гуюй окончательно успокоился. Он передал доухуа Цинь Жунши, потом поспешно бросил в кипяток круглые клёчки, сварил их, зачерпнул чашку юаньцзы и протянул Юй-гэру, тоже улыбаясь:

— Ты тоже попробуй наши юаньцзы.

Юй-гэр не стал отказываться. Его глаза засияли, он принял угощение и радостно сказал:

— Ай-я! Спасибо! Спасибо! Я больше всего люблю сладкое!

Они обменялись ещё несколькими вежливыми фразами, и только после этого Юй-гэр с улыбкой до глаз унёс юаньцзы обратно к своему лотку. Его муж ничего не сказал - он как раз был занят, обслуживал гостей. Но даже в этой суете он успел наклониться, вытащить сбоку лотка сложенную доску и закрепить её, превратив в простенькую столешницу.

Затем он поставил перед ней маленькую скамеечку, забрал у Юй-гэра бамбуковую кружку с юаньцзы, поставил её на столик и помог ему сесть.

Всё это время он не мог отвлечься на разговор с Юй-гэром: только спрашивал у гостей, какие приправы добавить, едят ли они острое, есть ли что-нибудь, чего им нельзя. Но все эти движения были гладкими и привычными, словно он проделывал их уже бесчисленное множество раз.

Заметив взгляд Лю Гуюя, Линь Синь-нян, которая наконец освободилась у своего лотка, тоже посмотрела туда и улыбнулась:

— Юй-гэр и его муж вместе росли с малых лет. Чувства у них крепкие!

По её тону было понятно, что она знает эту молодую пару и хоть немного с ними дружит.

Услышав голос Линь Синь-нян, Юй-гэр, который до этого радостно ел юаньцзы, поднял голову. Он ничуть не смутился и прямо сказал:

— Ещё бы! Мы с братом Янем с детства вместе!

Услышав это, Линь Синь-нян, которая только что улыбалась и шутила, вдруг вспомнила своего гэра. На сердце у неё стало горько, улыбка пропала. Сказав ещё пару слов, она отвернулась и снова занялась торговлей.

И как раз в этот момент рядом прозвучал не слишком приятный голос:

— Ай-я, это разве не Лю-гэр? Снова пришёл торговать?

Лю Гуюй только успел присесть передохнуть. Пудинг из тофу, который принёс сосед Юй-гэр, он ещё не доел, а тут уже снова кто-то явился устраивать неприятности.

Он поднял голову и увидел, что перед лотком стоит Чжоу Цяочжи. На этот раз с ней была не её дочь Тянь Хэсян, а мальчишка лет двенадцати. Мальчик был довольно пухлый, только кожа у него была темновата. На нём была зелёная ученическая одежда, из-за которой он казался ещё чернее. Если присмотреться к чертам лица, в нём было что-то от Чжоу Цяочжи. Похоже, это и был младший сын Чжоу Цяочжи - Тянь Цюшэн.

Чжоу Цяочжи во всём подражала Цуй Ланьфан: во всём хотела быть лучше неё, сравнивала мужей, сравнивала детей. Когда семья Цинь отправила сына учиться, она тут же следом отправила учиться и Тянь Цюшэна. Оба начинали учёбу в частной школе старого сюця Лю. Цинь Жунши рано сдал экзамен на туншэна, а вот Тянь Цюшэн совсем не был создан для учёбы. Учился несколько лет, но так ничего путного и не выучил: даже «Тысячесловие» до сих пор декламировал вкривь и вкось.

Но семья Чжоу Цяочжи жила неплохо, муж у неё был коробейником, и она, даже вкладывая деньги сверх меры, всё равно продолжала отправлять сына учиться.

Увидев этих двоих, Лю Гуюй невольно нахмурился. Эта Чжоу Цяочжи и правда была как таракан, которого не убьёшь. Каждый раз приходила искать с ним неприятностей, каждый раз проигрывала в перепалке, но в следующий раз всё равно являлась снова. Упрямая до невозможности.

Похоже, она и сама понимала, что в словесной перебранке Лю Гуюя не одолеет, поэтому сразу повернулась к Цинь Жунши.

У Цинь Жунши под рукой тоже стояло полчашки пудинга из тофу в бамбуковой кружке - это Лю Гуюй поделился с ним. Но Цинь Жунши не ел: он сосредоточенно листал книгу. Рынок был не таким людным, как храмовая ярмарка, здесь не приходилось с утра до вечера крутиться без

передышки, поэтому Цинь Жунши взял с собой книгу, чтобы читать в свободные минуты.

Чжоу Цяочжи заметила это. Уголки её губ приподнялись. Она словно нарочно потянула за собой сына, выставляя его напоказ, и самодовольно сказала:

— Ай-я, Цинь-эрлан, вот уж кого семья задержала! Помнится, раньше ты ведь вместе с нашим Цюшэном учился. А теперь... ай, как жаль-то! Посмотрите только, какой ты был хороший росток для учёбы! А твоя старшая невестка заработал деньги, да и не думает отправить тебя учиться. Ещё и заставляет тебя помогать ему торговать! Ай-йо-йо, разве это дело для учёного человека? Весь пропах медной вонью!

Вот ведь, ещё и вбить клин между ними вздумала!

Лю Гуй от злости даже рассмеялся. Он сложил руки на груди и посмотрел на Цинь Жунши, желая увидеть, что тот скажет.

Цинь Жунши вложил в книгу закладку из древесного листа, затем закрыл книгу и бережно убрал её в отсек под лотком. Только после этого он поднял голову, посмотрел на Чжоу Цяочжи и отчётливо, слово за словом, произнёс:

— Где сердце спокойно, там и школа; где дух безмятежен, там и Ланхуань*. Я читаю не только в пределах четырёх стен, потому и могу читать когда угодно и где угодно. Что же, ребёнок в доме тётушки способен читать только сидя в школе? Раз тётушке так противен запах меди, отчего же вы каждый год приглашаете Бога богатства? Говоря такое, вы не боитесь прогневить божество и на следующий год уже не сумеете его пригласить?

(ПП: Ланхуань - мифическое место в даосской традиции; «чертог нефритовой книги», рай для книжников, где хранятся все знания мира)

Первую часть Чжоу Цяочжи слушала с полным непониманием. Поняла она только слова про «прогневить Бога богатства» и от испуга тайком похлопала себя по груди. Она была немного суеверна - это было ясно хотя бы по тому, как на храмовой ярмарке она просила талисман для сына, чтобы тот сдал экзамен.

Она занервничала и, стараясь казаться грозной, закричала:

— Я... я когда это говорила про господина Бога богатства! Я... я говорила...

Чжоу Цяочжи запинаясь и никак не могла договорить. Цинь Жунши невозмутимо посмотрел на неё и спокойно сказал:

— Вы сказали, что он воняет.

— Я не говорила!

— О. Истину и ложь боги сами рассудят.

Он ещё и заговорил так таинственно, почти мистически. А Чжоу Цяочжи действительно верила в подобное. В другое она могла не верить, но всё, что касалось денег и богатства, не смела оставлять без внимания.□□

Она в сердцах переводила взгляд то на Цинь Жунши, то на Лю Гуюя и вдруг обнаружила, что этот гэр зажмурился, сложил ладони перед собой и что-то бормочет.

Если прислушаться...

— Господин Бог богатства, бодхисаттва Гуаньинь, Нефритовый император, Владычица-мать Сиванму... Это она сказала! Она! К ней идите, к ней, к ней, к ней, к ней!

— Лю Гуюй!

Чжоу Цяочжи едва не взорвалась от злости. Изначально она держала сына за запястье, а теперь, в раздражении, неосознанно стиснула его так сильно, что на руке мальчика проступило красное кольцо, а вся ладонь налилась кровью.

Тянь Цюшэн сморщил губы и тихо пробормотал: «Больно», но голос его был слишком тихим, и Чжоу Цяочжи вовсе не услышала. Он больше ничего не сказал, только стоял на месте с деревянным лицом, словно маленькая кукла-марионетка.

Чжоу Цяочжи этого не заметила, зато Цинь Жунши, всё это время стоявший напротив них, увидел. Он невольно бросил взгляд на руку мальчика, и его брови едва заметно сошлись.

Чжоу Цяочжи, разозлившись от стыда, вдруг хлопнула себя по бедру и принялась вопить:

— Ой-ёй-ёй! Люди добрые, идите посмотрите! Этот гэр несчастье приносит! Только замуж вышел и сразу собственного мужа до смерти сглазил!

Этот крик тут же привлёк ещё больше зевак. Все начали показывать в их сторону пальцами и перешёптываться. Тянь Цюшэн был всё-таки ещё мал и тонкокож; не выдержав, он поднял рукав, прикрыл лицо, потом потянул Чжоу Цяочжи за рукав и тихо сказал:

— Мама, хватит... Пойдём.□□

Чжоу Цяочжи оттолкнула его и продолжила кричать, словно собиралась перекричать само

небо.

— Он самый настоящий несчастливек! Вы ещё смеете покупать еду, которую он готовит?! Не боитесь беду на себя накликать?!

Вокруг собиралось всё больше людей, но они лишь перешёптывались вполголоса. Лю Гую смотрел на Чжоу Цяочжи с улыбкой, похожей на усмешку; по его лицу было трудно понять, что он чувствует. А вот лицо Цинь Жунши сразу похолодело.

Даже стоявшая рядом Линь Синь-нян разозлилась. Бросив свой прилавок, она подошла ближе, засучила рукава и принялась ругаться:

— Чжоу Цяочжи! Ах ты подлая баба, день-деньской только и делаешь, что пускаешь вонь до самого неба! Чего это у тебя рот такой поганый?! Что ни грязь, что ни гниль - всё на чужую голову валишь! Совсем совесть потеряла! Старший сын семьи Цинь был призван в солдаты и погиб на поле боя! При чём тут Лю-гэр? Ты такие слова говоришь - у тебя вообще сердце есть?!

Услышав, что хозяин Лю «с тяжёлой судьбой» и «довёл мужа до смерти», любители его сладостей и закусок невольно забеспокоились. В старину люди по большей части верили в подобное. И если бы слух действительно разошёлся, стоило бы только навесить на Лю Гую клеймо «несчастливца», потом уже отмыться было бы трудно. Тогда, как бы вкусно он ни готовил, в будущем, пожалуй, никто бы не осмелился покупать у него еду.

Люди в душе начали сомневаться, прикидывая, правда это или нет, но тут услышали слова Линь Синь-нян.

А, так он погиб на войне.

Тогда многие сразу вздохнули с облегчением. В ту войну силой забрали немало мужчин. Только из города Фушуй ушло больше четырёхсот, а вернулась едва ли одна десятая часть. Погибших было так много, что среди собравшихся наверняка находились те, у кого на поле боя умер сын, старший брат или муж. Не могли же они теперь считать, что это их собственные семьи их «сглазили».

Цинь Жунши тоже помрачнел, и в его голосе появилось несколько резких нот.

— Мой старший брат погиб под саблями и копытами варваров. Он умер ради столетнего мира Даюн, ради спокойствия простого люда на границе. Тётушка несколькими словами размывает истину. Уж не считаете ли вы, что виноваты не варвары, а моя старшая невестка?

Стоило этим словам прозвучать, как среди собравшихся те, у кого родные тоже погибли на поле боя, разом разгневались и принялись ругать Чжоу Цяочжи:

— Ах вот как! Так ты это имела в виду! Ну и ядовитое же у тебя сердце!

— Мой сын тоже погиб на войне! По-твоему, это я, родная мать, его и сглазила?!

— Тьфу! Это же варвары первыми напали на нас, а в итоге виноватыми стали мы?!

...

Чжоу Цяочжи и сама не ожидала, что всё обернётся так. Она злилась и ненавидела их ещё сильнее, но перед руганью толпы не могла выдать ни слова в ответ. Только и бесилась оттого, что у этих двоих языки были слишком острыми: даже вещи, не имевшие друг к другу отношения, они умудрялись связать воедино!

Пока она кипела от злости, Лю Гуюй наконец тоже вышел вперёд. Он встряхнул одежду, собираясь сыграть по-крупному. На его лице появилась скорбь, голос стал трагическим, и каждое слово прозвучало твёрдо и звонко:

— Как же тётушка может использовать боль семьи и государства для пустой перебранки! Во время войны тела громоздились, словно горы, кровь текла реками. Тётушка не знает ужасов границы, не понимает боли слов «с древних времён из похода возвращались немногие», умеет лишь, посмеиваясь, тыкать людям в раны. Вы думали, ваши слова смогут ранить меня?

— Не смогут. Я почитаю покойного мужа как героя, а смеюсь лишь над вашей невежественностью.

Сказано было так праведно и внушительно, что в действительности Лю Гуюй от неловкости чуть подошвы пальцами не продырявил.

Но ведь нашлись же те, кто это принял! Едва последние звуки этой пламенной речи стихли, вокруг воцарилась тишина. Но очень скоро кто-то громко крикнул: «Хорошо!» — и следом раздались аплодисменты, громкие, как барабанный бой.

— Хорошо!

— Верно сказал!

Чжоу Цяочжи оказалась зажатой посреди толпы. В этот миг ей было так стыдно, что она не смела поднять голову; лицо у неё пылало от смущения. Она понимала, что снова проиграла в споре. От досады она резко дёрнула Тянь Цюшэна и сердито пробормотала:

— Пошли! Чего стоишь столбом! Сам только что ныл, что хочешь уйти, а теперь язык проглотил! Смотришь на тебя - один гнев берёт, мрачный, как деревяшка! И как ты ещё

экзамены сдавать будешь!

Тянь Цюшэн стоял с застывшим лицом, на нём не было никаких чувств. Даже когда Чжоу Цяочжи дёрнула его за ухо и ругалась, он не злился и не огорчился. Чжоу Цяочжи будто ударила кулаком в вату. В конце концов она, всё ещё бранясь, потащила его прочь.

Лю Гуюй слегка приподнял подбородок, тайком выпрямил спину и с довольным видом посмотрел вслед уходящим Чжоу Цяочжи с сыном. Но едва он глянул в ту сторону, первым заметил старика в тёмно-синей мантии с круглым воротом и шапке ученого. Старик, улыбаясь, кивал ему.

— Неплохо ты сказал, гэр. Есть в тебе кое-какое понимание.

*Рисовые шарики с фасолью Хундоу юаньцзы

Сладкий отвар

<http://bllate.org/book/17177/1638873>